

A detailed illustration of a vampire and a witch. The vampire, on the left, has dark hair, a beard, and a stern expression. He wears a dark blue coat with a red cape and ornate gold embroidery. The witch, on the right, has long, wavy brown hair and a serious look. She wears a purple and red dress with intricate gold patterns and a white lace collar. The background is a dimly lit room with a hanging lantern and falling leaves.

Сергей Патрушев

Вампир и ведьма. Роза и Ромашка

18+

Сергей Патрушев

Вампир и ведьма. Роза и Ромашка

«Автор»

2026

Патрушев С.

Вампир и ведьма. Роза и Ромашка / С. Патрушев — «Автор»,
2026

На райском острове Бали, где за фасадами роскошных вилл и древних храмов скрываются темные тайны, разворачивается история двух бессмертных существ — Александра и Изабеллы. Он — вампир с невероятной аурой, которой подчиняются люди, особенно женщины. Она — ведьма, способная влиять на судьбы одним прикосновением. Вместе они наслаждаются вечностью, гуляя по берегу океана и наблюдая за миром смертных. Однажды их покой нарушает странный разрыв в магической ткани острова, и они обнаруживают след загадочной Флористики — колдуньи, которая превращает души молодых женщин в «розы», лишая их воли и делая идеальными рабынями для богатых клиентов. Столкнувшись с индустрией порабощения, вампир и ведьма начинают опасную игру против могущественного врага. Им предстоит не только проникнуть в самое сердце империи зла, но и ответить на мучительные вопросы: имеют ли они право вмешиваться в чужие судьбы?

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Вампир и ведьма. Роза и Ромашка

Глава 1

Это был один из тех дней на Бали, когда солнце не просто светит, а будто влюблено в остров. Оно растекалось по небу густым апельсиновым золотом, смешиваясь с пронзительной лазурью так, что граница между светилом и атмосферой становилась зыбкой, почти волшебной. Океан у берегов Семиньяка лениво вылизывал черный вулканический песок, оставляя на нём влажную зеркальную гладь, в которой отражались редкие облака и силуэты двух фигур, идущих по самой кромке прибоя. Пена, шипя, накатывала им под ноги, обнимала лодыжки и отступала, унося с собой крошечные песчинки и оставляя ощущение мимолетной прохлады на разгоряченной коже.

Их звали Александр и Изабелла. Для тех немногих, кто мог видеть дальше физической оболочки, они не были просто туристами, сбежавшими от европейской серости к тропической неге. Они были теми, кого в древности называли бы темными божествами на отдыхе. Вампир и Ведьма. Но эти слова были слишком плоскими, слишком карнавальными, чтобы описать ту концентрированную, древнюю силу, которая вибрировала в воздухе между ними, несмотря на кажущуюся молодость их лиц. Обоим на вид было не больше двадцати пяти, но глаза Александра видели закаты империй, а пальцы Изабеллы плели нити судеб задолго до того, как на этом острове построили первый храм.

Александр шёл чуть впереди, разутый. Его светлые льняные брюки были небрежно подвнуты до колен, а простая белая рубашка, расстегнутая на груди, трепетала под теплыми порывами индийского бриза. В его внешности не было ничего вызывающего, ничего нарочито пугающего или китчевого, что так любят изображать в кинематографе. У него не было ни клыков, выглядывающих из-под бледной губы, ни болезненной худобы. Напротив, он был атлетически сложен, движения его были плавны, но невероятно точны, как у хищника, который никогда не тратит энергию впустую. Его аура была его главным оружием. Она не была видимым свечением в привычном понимании экстрасенсов. Это была гравитация. Социальная, эмоциональная, почти физическая.

Люди, отдыхающие на пляже, реагировали на него неосознанно. Компания серферов с выгоревшими на солнце волосами, только что вышедшая из воды, расступилась перед ним, хотя места на песке было предостаточно. Они не заметили маневра, им просто вдруг показалось логичным сместиться левее. Девушка в ярком бикини, продающая свежие кокосы, едва не выронила свой мачете, когда он просто прошел мимо. Её сердце забило быстрее, и она тут же приписала это духоте, но глаза её, как замороженные, следили за широкой спиной незнакомца, ощущая странную, щемящую смесь желания и беспричинного обожания. Ей вдруг отчаянно захотелось подбежать к нему и предложить воды бесплатно, подарить что-то, просто чтобы он заметил её существование. Такова была сила Суверена, как называл эту способность Александр. Это был не гипноз в чистом виде, а абсолютная, тотальная харизма, которая просто отключала чужую волю, заменяя её влечением и благоговением. Женщины тянулись к нему мотыльками, мужчины ощущали безотчетное желание либо подчиниться, либо защитить, даже не понимая, от чего. Он был альфой не в грубом, животном смысле, а в метафизическом. Он был центром, вокруг которого вращался мир, и этот мир был рад вращаться.

Но центр этот был смещен. Сегодня его гравитация была направлена не на толпу, а на ту, что шла слева от него.

Изабелла двигалась в его тени, но её тень была куда глубже и таинственнее любой ночи. Если Александр притягивал свет, то она была той тьмой, что этот свет оттеняет. Она была ослепительно красива, но красота её была не земного, фотогеничного толка. Она была ведьмой. В этом слове звенят материнские проклятия и запах целебных трав, страх и почтение. На вид ей было двадцать пять, и она будет выглядеть на двадцать пять еще очень долго, возможно, всегда. Её кожа, цвета легкого загара, казалась фарфоровой на контрасте с черным песком. Длинные, иссиня-черные волосы, тяжелые и густые, как морская вода, свободно струились по спине и плечам, и даже океанская соль не могла испортить их шелковистый блеск. На ней было легкое платье цвета индиго, подол которого намок от брызг и лип к стройным лодыжкам.

Если сила Александра была подобна молоту, сокрушающему волю, то сила Изабеллы была скальпелем и шёлковой нитью. Она ткала. Она была Пряхой. Она видела не просто людей, но их потенциальные русла, разветвления жизней, которые еще не случились. Каждая женщина на этом пляже была для неё открытой книгой, полной вероятностей. Вон та бизнес-леди из Джакарты, сидящая в шезлонге с ноутбуком, через месяц подпишет контракт. Но Изабелла видела, что её партнер готовит предательство. Одно легкое движение пальцами в такт музыке, звучащей где-то вдалеке, и фокус внимания ведьмы сместился. Она потянула за крошечную, неосязаемую ниточку от сердца этой женщины к её ангелу-хранителю, чуть ослабив узел тревоги и усилив искру интуиции. Бизнес-леди вдруг резко нахмурилась, глядя на экран, и, сама не зная почему, решила проверить кое-какие цифры еще раз. Предательство раскроется завтра. Катастрофа будет предотвращена. Изабелла даже не сбавила шаг.

Другая женщина, на позднем сроке беременности, сидевшая у бассейна отеля, выходящего на пляж, смотрела на океан глазами, полными тоски. Она боялась родов. Изабелла скользнула взглядом по её ауре, увидев там плотный сгусток серого страха, который мог материализоваться в осложнения. Ведьма слегка прикусила губу и выдохнула. Её магия была словесной, вербальной, но на уровне тонких тел. Она мысленно прошептала имя женщины, которое прочитала в вибрациях её души, и спела беззвучную колыбельную для её матки. Клубок серого страха начал истончаться, расползаться, словно туман под лучами утреннего солнца, превращаясь в розовое сияние предвкушения. Женщина вздрогнула, её губы тронула слабая улыбка, и она положила руку на живот с внезапно нахлынувшей волной спокойной, уверенной любви. Изабелла не вмешивалась в свободу воли, она лишь убирала эмоциональный мусор, расчищая путь к той реальности, которую человек на самом деле выбирает сердцем, но боится выбрать умом.

— Ты сегодня в особенно хорошем настроении, — голос Александра был низким, с легкой хрипотцой, как звук пересыпаемой гальки. Он даже не смотрел на неё, но чувствовал колебание эфира от её манипуляций.

— Погода шепчет, — ответила она, и в её голосе прозвучали колокольчики и дым одновременно. — Бали создан для того, чтобы плести тонкие кружева. Здесь завеса между «хочу» и «боюсь» почти прозрачна. Люди приезжают сюда открытыми.

Они остановились у самой воды. Волна лизнула пальцы ног Александра, но он не обратил на это внимания, его босые ступни привыкли к куда более холодным и опасным прикосновениям. Он повернулся к своей спутнице, и все вокруг словно замерло. Даже шум волн, казалось,

превратился в приглушенный фон. Солнце золотило скулы Изабеллы, и в её темных, как безлунная тропическая ночь, глазах заплясали янтарные искры.

— Ты сшила уже судьбы десятка женщин с тех пор, как мы вышли из виллы, — заметил он, и в его тоне не было ни упрека, ни удивления, лишь спокойная констатация факта. — А я лишь заставил официантку в кафе пролить на себя кофе, когда попросил счет.

Изабелла рассмеялась. Смех её был переливчатым и заразительным, но Александр знал, что в нём нет жестокости. Она смеялась над его манерой подачи.

— Ты заставляешь их проливать кофе, чтобы они посмотрели на тебя, пока ты смотришь в сторону, — пронизательно сказала она, наклоняясь и подбирая с песка идеально обточенный океаном кусочек коралла, белый, как сахар. — Ты питаешься вниманием, Александр. Это твой гемоглобин. Физическая кровь тебе не нужна уже лет двести, если не врешь. Тебе нужен их восторг, их сбитое дыхание, их учащенный пульс.

— Эмоциональный вампиризм в его чистейшей форме, — согласился он, слегка пожимая плечами. — Люди называют меня вампиром, пусть так. Мне нравится этот термин. Но я беру лишь то, что они отдают добровольно, пусть и под воздействием моей... гравитации. Я — сгусток чужого обожания. Это чистая энергия. Век живи — век учишься тому, что настоящий нектар — это психоэмоциональная эманация женской части человечества, когда она достигает пика восхищения.

— А я работаю с их страхами и надеждами, — сказала Изабелла, поворачивая коралл в изящных пальцах. — Ты возвращаешь их желание, я выпалываю сорняки их ужаса. Мы с тобой — две стороны одного таинства, Саша.

Она назвала его так только потому, что вокруг никого не было. Только волны и чайки. Он повернул голову, и его взгляд, обычно холодный и властный, смягчился на долю секунды. Только она могла выдержать его прямой взгляд без дрожи в коленях. Только она видела не монстра и не бога, а просто его. Древнего, циничного, бесконечно умного спутника тысяч жизней.

По песку, оставляя глубокие лунообразные следы, к ним подбежал огромный пес породы ньюфаундленд, черный, лоснящийся, с языка свисала слюна, смешанная с морской пеной. Его звали Стикс. Это было единственное живое существо, кроме Изабеллы, которое Александр любил без капли эгоизма. Пес подлетел и, не сбавляя хода, врезался мокрым боком в ноги Ведьмы, оставляя на подоле темные разводы.

— Стикс, чудовище, ты испортил мне платье! — воскликнула Изабелла без тени злости, запуская пальцы в густую шерсть на загривке собаки. Пес блаженно замер, подставляя спину ласке.

— Он чувствует, что ты только что предотвратила две беды. Он всегда к тебе ластится, когда ты работаешь с материнской энергией, — заметил Александр, наблюдая за этой идиллией. — Он чувствует баланс.

— Жаль, что баланс так хрупок, — тихо произнесла она, выпрямляясь. Её ладонь скользнула в руку Александра. Это был жест не просьбы о поддержке, а сонастройки. Их пальцы пере-

плелись. Металлический холод его кожи смешался с живым, колдовским теплом её ладони. Возникло то самое короткое замыкание, которое они оба искали.

Они медленно пошли дальше, удаляясь от шумной части пляжа. Стикс, высунув язык, бежал впереди, распугивая крабов. Они прошли мимо заброшенной лодки рыбака, её синяя краска облупилась, обнажив серебристое дерево. Пройдя мимо группы практикующих йогу на закате, чьи тела были изогнуты в немислимых асанах, они чувствовали волны их энергий, но не вмешивались. Это было чужое, пусть и красивое.

Изабелла остановилась у кромки воды, глядя на горизонт, где океан встречался с небом в дымке испарений.

Знаешь, о чем я думаю? — спросила она, не поворачивая головы. — Мы здесь, в раю. У нас есть власть, о которой смертные слагают легенды. Ты можешь заставить любого человека испытать экстаз одним взглядом. Я могу изменить ход жизни целой династии, переставив пару знаков в их мыслях. Но чем это всё кончится? Мы вечны в нашем падении и сиянии. Они — смертны в своей быстротечности. И всё же их эмоции питают нас. Не кажется ли тебе это грандиозной, ироничной ловушкой?

Александр долго молчал. Ветер трепал его светлые волосы. Он смотрел не на море, а на её профиль, выточенный словно лучшим резцом самой Вселенной.

— Кажется, — наконец ответил он. — Но ловушка становится домом, когда в ней появляется кто-то еще.

Он поднял их сплетенные руки и слегка коснулся губами костяшек её пальцев. Порыв его ауры был настолько мощным, что, если бы поблизости была хоть одна смертная женщина, она, вероятно, потеряла бы сознание или впала в транс от этого жеста, даже не будучи его объектом. Но Изабелла лишь улыбнулась уголком губ и продолжила свою мысль.

— Я сегодня почувствовала разрыв в ткани, — её голос стал деловым. Атмосфера нежности сменилась атмосферой охотников. — На востоке острова. Кто-то играет с женскими судьбами грубо, варварски. Это не искусство влияния. Это принуждение. Грязное, потное колдовство на крови.

Александр нахмурился. Его ноздри слегка раздулись, словно он пытался унюхать угрозу за многие километры.

— Я знаю этот запах, — сказал он мрачно. — Это не просто ведьма. Это кукловод. Тот, кто не влияет на выбор, а отнимает его. Тот, кто ломает женщин, делая их безвольными сосудами.

— Ты узнаешь это, потому что сам мог бы таким быть? — Изабелла с вызовом взглянула на него. — Если бы не твоя эстетика, ты бы тоже мог просто поработать, а не очаровывать.

— Мог бы, — не стал спорить он. — Но это скучно. Раболепие без восхищения — это пустые калории. А сломленная женщина энергетически мертва. Это труп, который улыбается по команде. Я же ценю огонь.

— Значит, нам придется нанести визит, — заключила она.

Солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в фиолетовые и пурпурные тона. У горизонта появилась зеленая вспышка — тот самый редкий оптический эффект, который на Бали видят чаще, чем где-либо. Александр и Изабелла замерли, став свидетелями этого эфемерного чуда. Это было знамение. Для них двоих. Сигнал к началу новой охоты или новой игры. Стикс замер, сел на песок и тихо, протяжно завыл. Это был вой благородного зверя, приветствующего пробуждение ночной силы его хозяев.

Вампир и Ведьма, Суверен и Пряха, повернули обратно к вилле. Сзади, по черному песку, тянулась двойная цепочка следов, которую слизывал океан. Они шли не спеша, потому что вечность была у них в запасе. Позади оставались измененные к лучшему судьбы и завоеванные мимолетной магией взгляда сердца. Впереди маячила таинственная угроза, варварское колдовство, и это обещало, что отпуск на Бали перестанет быть томным. Изабелла чувствовала, как сила наполняет её от пяток до макушки, как натягиваются невидимые поводья реальности. Александр развернул плечи шире. Глубинная, психотронная волна побежала от него во все стороны, как сигнал сонара. И на всем побережье Семиньяка и Чангу девушки и женщины на мгновение отвлеклись от своих дел, почувствовав неясную тревогу и одновременно — странное, будоражащее возбуждение, словно само мироздание шепнуло им: «Обратите внимание. История начинается». А главные герои этой истории, не люди, но и не боги, медленно растворялись в быстро сгущающихся тропических сумерках, готовые писать первую главу нового дела.

Глава 2

Вилла, которую Александр и Изабелла занимали на время своего пребывания на острове, пряталась в густых зарослях тропического сада на склоне холма над долиной реки Аюнг. С террасы открывался вид на бескрайний зеленый океан джунглей, прорезанный серебристой лентой воды, а вдалеке, в дымке, угадывался священный вулкан Агунг. Дом был построен в традиционном балийском стиле: высокие крыши из аланг-аланга, открытые павильоны без стен, резные каменные ворота, охраняемые статуями божеств и демонов. Местные жители обходили эту виллу стороной, сами не понимая почему. Им казалось, что воздух здесь вибрирует, как перед грозой, а тени ложатся под неправильными углами даже в полдень.

Внутри, в главном павильоне, где пол был устлан прохладным серым андезитом, а потолочные балки почернели от времени, Изабелла сидела на огромной подушке из натурального шелка цвета запекшейся крови. Перед ней на низком столике из цельного слэба тикового дерева был разложен её рабочий инструментарий. Со стороны это походило на причудливый натюрморт современной колдуньи: кристалл горного хрусталя размером с мужской кулак, служивший фокусной линзой для дальновидения, горсть морской соли с черного пляжа Амед, смешанной с пеплом от сожженных накануне благовоний, свеча из пчелиного воска, фитиль которой горел ровным, неестественно неподвижным пламенем, и маленькая серебряная чаша с родниковой водой, на поверхности которой плавал лепесток франжипани.

Александр стоял у резного каменного парапета террасы, скрестив руки на груди. Его фигура была абсолютно неподвижной, но от неё волнами расходилось то самое ощущение силы, которое заставляло гекконов на стенах замирать, а ночных бабочек — менять траекторию полета. Он смотрел на Изабеллу, и в его взгляде читалось напряжение. Он знал, что она собирается делать. Это была тонкая работа, требующая абсолютной концентрации.

— Ты уверена, что хочешь идти по следу так быстро? — спросил он, не меняя позы. Его голос прозвучал глухо, отражаясь от каменных стен. — Мы могли бы просто наслаждаться закатом еще пару дней.

— Ты чувствуешь то же, что и я, — ответила Изабелла, не поднимая глаз от чаши с водой. Её пальцы, длинные и изящные, медленно вращали кристалл над пламенем свечи, и грани его отбрасывали радужные блики на стены. — Разрыв в ткани не становится меньше. Кто-то там, — она кивнула в сторону восточного побережья, — сейчас активно работает. И это не тихая деревенская ведунья с приворотами. Это нечто другое.

— Ты говорила, это похоже на принуждение, — напомнил он, отлепляясь от парапета и делая шаг вглубь павильона. Половицы под его босыми ступнями скрипнули лишь раз, будто дом признал хозяина.

— Хуже, — она наконец подняла глаза, и в их черной глубине вспыхнули янтарные молнии. — Это порабощение. Внедрение. Чужая воля, помещенная в разум жертвы, как роза в вазу. Красиво снаружи, но корни её гниют и отравляют воду.

Она погрузила пальцы правой руки в чашу с водой. Холодная жидкость приняла их, сомкнулась над запястьем. Изабелла закрыла глаза. Её дыхание замедлилось, стало глубоким и ритмичным, как океанский прибой. Кристалл в её левой руке начал светиться мягким, пульсирующим светом, идеально синхронизированным с ударами её сердца. Вода в чаше пошла рябью, хотя пальцы ведьмы оставались неподвижны.

Она нырнула. Не телом — сознанием. Это было похоже на падение в бездонный колодец, стены которого были сотканы из образов, звуков и эмоций. Она пронеслась сквозь слои реальности, словно сквозь страницы гигантской книги, написанной на языке, который не знает ни один смертный. Чьи-то молитвы, чьи-то слезы, чьи-то подавленные крики ярости — всё это было фоном, шумом, из которого ей нужно было вычленить один-единственный сигнал.

Она искала боль. Острую, неестественную, вызванную не жизненными обстоятельствами, а грубым вмешательством. И она нашла её. Это была женщина.

Изабелла увидела её так ясно, словно стояла в двух шагах. Девушка, нет, молодая женщина лет двадцати семи или двадцати восьми, сидела на бамбуковой циновке в бедной комнатухе где-то в районе Кандидасы. Стены были сложены из шлакоблоков и выкрашены в выцветший голубой цвет. У стены стоял простой алтарь с подношениями: рис, цветы, палочка сандалового дерева, дым от которой тонкой струйкой уходил в потолок. Молодая балийка по имени Ни Лух Артини. Изабелла считала это имя из вибраций пространства. Артини — так звали девушку — была красива той естественной, нетронутой косметикой и хирургией красотой, которая расцветает на острове у женщин, работающих на рисовых полях и под палящим солнцем. Её кожа была золотисто-смуглой, волосы — густыми, черными, собранными в простой узел на затылке, а руки — сильными и изящными одновременно.

Но глаза. Глаза её были пусты. Нет, не в клиническом смысле. В них была жизнь, но жизнь эта принадлежала не ей. Представьте себе прекрасную лампу, внутри которой горит свет. Но свет этот имеет цвет, форму, намерение, которые чужды самой лампе. Так и с Артини. Её тело двигалось, дышало, даже улыбалось, но за этой улыбкой стоял кто-то другой.

Изабелла, все еще находясь в трансе, чуть сильнее сжала кристалл. Видение стало глубже. Она проникла за внешний слой, в сам разум, в то, что мистики называют «внутренним храмом». То, что она увидела там, заставило её дыхание перехватило, а пальцы ног непроизвольно поджаться.

В центре сознания Артини, там, где должна была находиться её собственная воля, её самость, её искра, росло нечто инородное. Это действительно была Роза. Огромная, алая, неземной красоты, она пульсировала и переливалась, источая пьянящий, приторный аромат. Её стебель был покрыт острыми, как иглы, шипами, и эти шипы вонзились в саму ткань души девушки. Каждый шип был подключен к определенному желанию. Один — к тоске по любви. Другой — к страху одиночества. Третий — к мечте о защитнике. Четвертый — к подавленной сексуальности.

Роза питалась этими желаниями. Она была паразитом невероятной красоты и чудовищной жестокости. Она заменяла Артини её собственную волю, нашептывая ей приказы, маскируя их под самые сокровенные мечты. «Ты хочешь, чтобы он пришел. Ты хочешь принадлежать ему. Ты хочешь, чтобы он вел тебя. Ты никто без него. Ты — лишь отражение его силы». Это был непрекращающийся, гипнотический шепот, идущий прямо из центра её существа.

Изабелла видела тень того, кто посадил эту Розу. Это была женская фигура, окутанная алым маревом. Не просто ведьма, нет. Это была та, кто умела превращать любовь в рабство. Та, для кого чужие души были садом, где она выращивала свои чудовищные цветы.

Внезапно видение дрогнуло. Фигура в алом мареве, казалось, почувствовала присутствие Изабеллы. Она обернулась, и на мгновение ведьма увидела лицо. Красивое, надменное, с высокими скулами и разрезом глаз, напоминающим хищную птицу. Губы незнакомки искривились в усмешке, и она послала ментальный импульс такой силы, что Изабеллу буквально вышвырнуло из транса.

Она резко распахнула глаза и судорожно вздохнула, хватаясь рукой за сердце. Чаша с водой опрокинулась, жидкость растеклась по столу, заливая кристалл и гася свечу. Изабелла закашлялась, пытаясь восстановить дыхание.

Александр оказался рядом в мгновение ока, двигаясь с той нечеловеческой скоростью, которую он редко демонстрировал. Его холодная ладонь легла ей на затылок, посылая волну успокаивающей, стабилизирующей энергии.

— Она увидела тебя, — произнес он не вопросительно, а утвердительно.

— Да, — выдохнула Изабелла, вытирая мокрой рукой лоб. — Это не просто кукловод, Саша. Это... Флористка. Я назову её так. Она выращивает в душах людей свои творения. Эта роза в разуме девушки — она живая. Она мыслит. Она убедила бедняжку, что является её собственным сердцем.

Она встала, слегка пошатываясь, но быстро взяла себя в руки. Её глаза горели холодным, опасным огнем.

— Девушку зовут Ни Лух Артини. Она из деревни возле Кандидасы. Она хотела любви. Обычной, человеческой, теплой любви. И эта тварь дала ей любовь. Но это любовь рабыни к

господину. Она ждет его. Того, кто должен прийти. Его лицо стерто, оно заменено на некий идеальный образ. Роза готовит её для хозяина.

— То есть, — медленно проговорил Александр, и его голос стал похож на рокот далекого грома, — она не просто порабощает, она еще и продает? Готовит живые подарки?

— Похоже на то. Человек, который получит такую женщину, получит абсолютно преданную, не рассуждающую, обожающую слугу, любовницу, рабыню. Без собственной воли, с имитацией души. Идеальный товар. Но, Саша... — она подошла к нему вплотную и посмотрела снизу вверх. — Розу нельзя просто вырвать. Шипы держат слишком крепко. Если потянуть, душа девушки порвется в клочья. Она превратится в овощ или умрет от тоски, которая захлестнет её, когда иллюзия исчезнет.

Вампир и Ведьма стояли посреди роскошного балийского павильона, глядя друг на друга. За окнами цикады пели свою бесконечную ночную песню. Где-то далеко, в храме Бесаких, ударили в гонг, и звук этот, низкий и вибрирующий, прокатился над всем островом, словно голос самой земли.

— Нам нужен план, — сказал Александр. — Если мы не можем вырвать паразита, мы должны заставить его покинуть носителя добровольно. Или убить садовника, чтобы цветы завяли.

— Или дать девушке то, что сильнее её желания любви, — задумчиво произнесла Изабелла. — То, что расколется розу изнутри. Что сильнее иллюзии страсти, Саша?

Он помолчал, глядя на темный силуэт вулкана в окне.

— Ярость, — наконец ответил он. — Праведная ярость сильнее любой иллюзии любви. Потому что любовь может быть ложной, а ярость, рожденная из предательства, всегда истинна.

Изабелла кивнула. Она уже ткала новый узор. Она знала, как показать Артини правду. Нужно было лишь найти способ проникнуть в её сны, минуя защиту розы, и показать ей, во что превратилась её мечта. Показать ей клетку, которую она принимает за сад. И тогда ярость сделает всю работу сама.

Где-то на востоке острова, в деревне у моря, Ни Лух Артини легла спать на своей циновке с улыбкой на губах, предвкушая скорую встречу с хозяином, лицо которого всегда ускользало из памяти, но обещало вечное счастье. Она не знала, что этой ночью в её идеально ухоженный внутренний сад войдет ведьма с секатором правды. И одна из роз там будет срезана под корень.

Глава 3

Тишина на вилле стояла такая, что, казалось, можно было услышать, как растет трава в саду и как остывает камень древних статуй, охраняющих вход. Луна висела над вулканом Агунг, огромная, желтоватая, словно глаз ночного зверя, наблюдающего за островом. Изабелла сидела в той же позе, что и час назад, — ноги скрещены, ладони на коленях, глаза закрыты. Но теперь она не спала и не была в трансе. Она готовилась. Александр стоял у двери, ведущей на террасу, и смотрел на неё. За те столетия, что он существовал в этом мире, он видел множество ведьм. Он видел старух, шепчущих проклятия над костями врагов. Видел юных дев, приносящих кровавые жертвы духам леса. Видел придворных колдуний, травивших королей ароматом

духов. Но никто из них не работал так, как Изабелла. Её магия была хирургией души. И сейчас она собиралась провести операцию на расстоянии в десятки километров.

— Я готова, — произнесла она, не открывая глаз. Голос её звучал ровно, но Александр уловил в нём ту особенную вибрацию, которая появлялась, когда она была на грани между мирами.

— Я прикрою тебя, — ответил он, отходя от двери и занимая позицию у входа в павильон. Его аура начала расширяться, заполняя пространство, создавая защитный кокон, сквозь который не могло проникнуть ни одно враждебное намерение. Он не был магом в том смысле, в каком была она. Он не умел плести заклинания или варить зелья. Но его способность подавлять и контролировать работала и на тонком плане тоже.

Изабелла начала. Она не использовала ни чаш, ни кристаллов на этот раз. Она поднесла обе руки к лицу и сложила их лодочкой, словно держа в ладонях невидимую сферу. Затем медленно поднесла их к губам и начала шептать. Это был не язык. Это были даже не слова. Это были звуки, которые человеческое горло не должно было издавать — частоты, балансирующие на грани слышимого диапазона, то, что дельфины используют для эхолокации души, а летучие мыши — для навигации в царстве снов. Она посылала сигнал. Он скользнул сквозь стены виллы, пронесся над рисовыми террасами, над храмами, над спящими деревьями и достиг маленькой комнатки в Кандидасе, где на циновке спала Ни Лух Артини.

Девушка видела сон. Вернее, это был не совсем сон — это была та реальность, которую Роза создавала для неё каждую ночь. Артини стояла в бескрайнем саду, где всё было именно так, как она мечтала. Вокруг цвели алые розы, точно такие же, как та, что росла в её сознании. Воздух был напоен ароматом, сладким до приторности. Небо было неестественно синим, без единого облака. А в центре сада стоял Он. Мужчина без лица. Или, вернее, с лицом, которое постоянно менялось, подстраиваясь под самые потаенные ожидания Артини. Он протягивал к ней руки, и она бежала к нему, и сердце её переполнялось счастьем, таким острым, что хотелось плакать.

Она уже почти коснулась его пальцев, когда что-то изменилось. Лепесток одной из роз, самой большой и красивой, вдруг потемнел и осыпался пеплом. Артини замерла. Она впервые оторвала взгляд от лица своего возлюбленного и посмотрела на сад. И тут она увидела нечто, чего здесь никогда не было. В дальнем углу сада, у высокой кованой ограды, стояла женщина. Она была не похожа ни на кого из тех, кого Артини встречала в своей жизни. Высокая, с длинными черными волосами, развевающимися на ветру, которого здесь отродясь не было. Её кожа была бледной, а глаза — темными, как ночное море. И эти глаза смотрели прямо на Артини.

Девушка почувствовала укол страха. Не того животного ужаса, а странного, отрезвляющего холодка, словно ей в лицо плеснули родниковой водой. Мужчина без лица что-то говорил ей, звал её, но его голос вдруг стал глухим, неразборчивым, словно доносился из-под толщи воды.

— Не слушай его, — произнесла женщина у ограды. Её голос был тихим, но Артини услышала его так ясно, будто он прозвучал прямо у неё в голове. — Посмотри на свои руки.

Артини, повинувшись неведомому импульсу, опустила взгляд. Её руки были опутаны тонкими зелеными стеблями. Шипы вонзились в кожу запястий, и из ранок сочилась кровь —

не красная, а какая-то серая, словно разбавленный пепел. Артини вскрикнула и попыталась вырваться, но стебли держали крепко, уходя корнями куда-то в землю под её ногами. Она подняла глаза на своего возлюбленного, ища защиты, но его лицо — впервые за всё время — перестало меняться. Оно застыло, превратившись в холодную, равнодушную маску. Он не двигался. Он просто стоял и смотрел, как она борется.

— Это твоя любовь? — спросила женщина у ограды. — Это то, чего ты хотела?

Артини хотела закричать, но голос не слушался. Роза в её сознании почувствовала угрозу и начала действовать. Сладкий аромат в саду усилился, стал почти удушающим. Стебли на руках девушки затянулись ту же. Мужская фигура шагнула к ней, и его руки, тянувшиеся к её лицу, вдруг показались ей не руками любовника, а щупальцами голодного растения.

— Зачем ты показываешь мне это?! — беззвучно крикнула Артини, обращаясь к незнакомке. — Кто ты?! Уходи!

Изабелла — а это была она, её астральная проекция, облаченная в образ той самой женщины у ограды, — не шелохнулась. Она знала, что нельзя форсировать. Нельзя просто сорвать пелену. Душа Артини должна сама захотеть увидеть правду. Если Изабелла разорвет иллюзию силой, Роза успеет сжаться и разорвать психику жертвы. Нужно было, чтобы сама девушка засомневалась. Чтобы в её сердце зародился червь сомнения, который начнет точить корни паразита.

— Ты знаешь, кто я, — ответила Изабелла. — Ты чувствуешь правду. Просто позволь себе её услышать.

И тогда Артини закричала. Это был не обычный крик. Это был крик души, той её части, которая еще оставалась свободной. Этот крик, рожденный в глубине сна, прошел сквозь слои реальности и вырвался в физический мир. В своей комнатке в Кандидасе девушка резко села на циновке, широко распахнув глаза, и издала звук такой силы и такого резонанса, что стекло в маленьком оконце пошло трещиной.

Этот крик услышала не только она. Его услышала женщина в алом мареве. Флористка. Она сидела в своем убежище — старом голландском колониальном доме в глубине острова, увитом бугенвиллией, — и почувствовала, как одна из её роз дала сбой. Связь с растением, которое она так заботливо выращивала, на мгновение прервалась. Этого было достаточно, чтобы она поняла: кто-то вмешался. Кто-то проник в её сад.

Её лицо, красивое и надменное, исказилось от ярости. Она вскочила с кресла, опрокинув кубок с красным вином, и вино растеклось по белому мраморному полу, словно кровь. Она вытянула руки перед собой и начала плести контрзаклинание. Это была магия иного толка, чем у Изабеллы. Грубая, агрессивная, построенная на подавлении. Она не лечила и не направляла. Она врвалась в чужое сознание, как армия в осажденный город.

На вилле Изабелла вдруг пошатнулась. Её астральное тело, находившееся в саду Артини, почувствовало, как само пространство сна начинает искажаться. Розы вокруг пришли в движение. Их стебли, усеянные шипами, потянулись к ней, словно змеи. Лепестки превратились в острые лезвия, и воздух наполнился свистом — это тысячи крошечных клинков летели в её сторону. Флористка контратаковала, и она делала это жестоко.

Александр, стоявший на страже в физическом мире, увидел, как тело Изабеллы напряглось. На её виске вздулась вена, а из носа потекла тонкая струйка крови. Это был плохой знак.

— Белла! — рявкнул он, не заботясь о том, что его голос мог разбудить прислугу. Он подлетел к ней и положил руки ей на плечи, посылая в её тело мощнейший импульс своей воли. Это было не исцеление. Это была команда. «Держись. Ты сильнее. Ты не поддашься». Изабелла, даже в своем астральном теле, почувствовала этот приказ. Он влился в неё стальным стержнем, выпрямил позвоночник, придал сил.

Она отбила атаку. Но сделала она это не мечом и не щитом. Она сделала то, чего Флористка никак не ожидала.

Вернувшись в сон Артини, Изабелла посмотрела на бедную девушку, которая все еще боролась с опутывающими её стеблями, и произнесла всего одно слово:

— Кричи.

Артини, не понимая, подчинилась. Она набрала полную грудь приторного воздуха сада и закричала снова. И в этом крике была уже не мольба и не отчаяние. В нём была ярость. Праведная ярость женщины, которая поняла, что её обманули. Что её мечту использовали. Что она стала не возлюбленной, а горшком для чужого цветка.

Этот крик был подобен взрыву. Изабелла, используя свою древнюю магию, подхватила эту звуковую волну, усилила её своей волей и направила обратно по каналу, который связывал Розу с её создательницей. Флористка, сидевшая в своем колониальном доме, вдруг услышала внутри своей головы звук такой чудовищной силы, что её собственный крик боли слился с ним в унисон. Она схватилась за голову, упала на колени, из её ушей потекла кровь. Крик, рожденный из преданного женского сердца, усиленный ведьмой, оказался смертельным оружием против той, кто привык только шептать и приказывать.

В саду Артини начало происходить невероятное. Роза, та самая алая роза в центре её сознания, затрепетала. Её лепестки, еще мгновение назад угрожавшие Изабелле, начали вянуть и осыпаться. Стебли, душившие руки девушки, ослабили хватку. Мужчина без лица, её иллюзорный возлюбленный, замерцал, как помехи на старом телевизоре, и начал растворяться в воздухе, распадаясь на пиксели лжи.

Артини, освободив одну руку, дикими глазами смотрела на то, как рушится её мир. Это было больно. Невыносимо больно. Но в этой боли была правда. Крик всё еще звенел в воздухе, но теперь это был не крик отчаяния, а крик освобождения.

Изабелла, видя, что самое страшное позади, позволила себе отступить. Её астральная проекция начала таять, уходя из сна девушки. Последнее, что она увидела, — это Артини, стоящую на коленях среди увядающих роз, рыдающую, но прижимающую руки к сердцу, в котором больше не было шипов.

Изабелла открыла глаза на вилле. Она была бледна как полотно, под носом запеклась кровь, но в глазах горел огонь триумфа. Александр все еще держал её за плечи, и его аура постепенно возвращалась в нормальное состояние.

— Получилось? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Роза умирает, — прошептала она хриплым, сорванным голосом. — Я выжгла её криком самой Артини. Но Флористка жива. Она ранена, оглушена, но жива. И теперь она в ярости.

Александр помог ей подняться. Его лицо было мрачным.

— Значит, война объявлена, — констатировал он. — Ты спасла одну душу, но создала нам врага, который теперь будет охотиться на нас.

— Пусть охотится, — ответила Изабелла, вытирая кровь с лица. — Мы тоже умеем охотиться. И, Саша, — она посмотрела на него с той особенной, опасной улыбкой, которую он так любил, — я чувствую, что это только начало.

Где-то на востоке острова, в деревушке у моря, балийская девушка по имени Ни Лух Артини проснулась на мокрой от слез подушке. Она не помнила точно, что ей снилось. Она помнила только ощущение освобождения и странный, звенящий звук — эхо крика, который спас её душу. Она посмотрела на алтарь с подношениями в углу комнаты, и ей вдруг показалось, что рис и цветы на нём лежат как-то иначе. Правильнее. Словно мир сделал вдох после долгого удушья.

А в старом колониальном доме, скрытом в джунглях, женщина в алом платье поднялась с пола, шатаясь и держась за виски. С кровью на лице и ненавистью в глазах она смотрела в темноту. Её губы шевелились, шепча имена, которых никто не должен был слышать. Она объявляла охоту.

Глава 4

Утро на вилле началось не с пения птиц и не с ласкового прикосновения тропического солнца. Оно началось с ощущения тревоги, которая висела в воздухе подобно густому, влажному туману, поднимавшемуся из долины реки Аюнг. Стикс, огромный черный ньюфаундленд, лежал у входа в главный павильон, положив морду на вытянутые лапы, и тихо, утробно рычал, не открывая глаз. Он чуял то, чего не могли уловить даже его хозяева — остаточный фон чужой, враждебной магии, который проник на их территорию минувшей ночью.

Изабелла проснулась первой. Её тело все еще саднило после вчерашнего сеанса. Руки были тяжелыми, словно налитыми свинцом, а в голове стоял тот особенный звон, который она называла «похмельем ясновидящей». Она села на постели, провела ладонями по лицу, стирая остатки сна, и вдруг замерла. Что-то было не так. Не в физическом мире — в нём-то как раз царил идеальный порядок, — а в тонкой, магической ткани усадьбы. Она потянулась сознанием к периметру защитного круга, который они с Александром установили вокруг виллы в первый же день прибытия, и почувствовала брешь. Крошечную, почти незаметную, словно прокол от иглы в шелковой ткани. Но достаточную, чтобы через неё просочилось нечто чужеродное.

Она встала, набросила легкий халат из индонезийского батика и вышла на террасу. Солнце только начинало золотить верхушки пальм, воздух был еще прохладным и влажным от ночного дождя. У резного каменного парапета, где вчера стоял Александр, лежало оно. Письмо.

Изабелла остановилась так резко, словно наткнулась на невидимую стену. Её сердце, обычно бившееся ровно и спокойно, пропустило удар. Письмо было не простым. Она знала это с первого взгляда. Оно было написано на плотной, кремовой бумаге с неровными, словно вручную оборванными краями. Бумага была перевязана алой шелковой лентой, завязанной в сложный узел — не бант, а именно узел, напоминавший стилизованную розу. И от этого узла исходил едва уловимый запах. Сладкий, приторный, с нотками тления. Так пахнут цветы на похоронах. Так пахла Роза, которую она вчера выжгла из сознания Артини.

Она не стала прикасаться к письму. Вместо этого она тихо позвала:

— Саша.

Александр появился бесшумно, как он всегда это делал. Его способность двигаться без единого звука, не потревожив ни одной молекулы воздуха, всегда завораживала Изабеллу. Он вышел из спальни одетым — вампир никогда не спал по-настоящему, лишь впадал в состояние поверхностного забытья, — и встал рядом с ней, глядя на послание.

— Его принес не человек, — произнес он после долгой паузы. Его голос был ледяным, лишенным обычной бархатистой глубины. — Я бы почувствовал живое существо, пересекающее периметр.

— Голем, — ответила Изабелла. — Или дух-посыльный. Мелкая нечисть, которую она вылепила из грязи и злобы. Смотри.

Она указала на каменные плиты пола. На них, если присмотреться, можно было различить едва заметные следы. Они не были похожи на отпечатки ног. Скорее, на следы, которые оставляет мокрая тряпка, которой провели по камню — смазанные, нечеткие, быстро испаряющиеся на глазах.

— Потрясающе, — пробормотал Александр не без доли мрачного восхищения. — Она ранена, оглушена, но уже к утру нашла способ доставить нам корреспонденцию. У этой женщины есть стиль. И ресурсы.

Изабелла наконец протянула руку и взяла письмо. Она сделала это осторожно, двумя пальцами, словно прикасалась к ядовитой змее. Узел из алой ленты поддался от одного её прикосновения, распавшись сам собой, словно ждал именно её пальцев. Бумага развернулась, и они увидели текст. Он был написан от руки, каллиграфическим почерком с завитками и вензелями, черными чернилами, которые местами отливали багровым. Изабелла знала этот оттенок. Чернила были смешаны с кровью — скорее всего, жертвенной, менструальной, самой сильной в темной магии.

Она начала читать вслух. Её голос звучал ровно, но Александр слышал, как в глубине его вибрирует сдерживаемая ярость.

«Дражайшая сестра по ремеслу. Я не знаю твоего имени, но я чувствую твой почерк. Ты работаешь тонко, почти изящно. Я могла бы аплодировать тебе стоя, если бы твоя работа не была направлена на разрушение моей. Та душа в Кандидасе не была просто моим творением. Она была заказом. Ты даже не представляешь, кому ты перешла дорогу, вырвав мой цветок из её сердца. Ты думаешь, что ты героиня? Что ты спасаешь невинных? Ты просто дура, возо-

мнившая себя вершительницей судеб. Ты даже не спросила эту женщину, хочет ли она быть спасенной. Ты не дала ей выбора. Ты просто вторглась в её разум и уничтожила то, что давало ей счастье. Чем ты лучше меня?»

Изабелла сделала паузу. Эти слова задели её сильнее, чем она ожидала. В них была доля истины, и она это знала. Артини действительно была счастлива в своей иллюзии. А теперь её мир лежал в руинах, и кто знает, сможет ли она собрать его заново. Но Изабелла напомнила себе, что счастье рабыни — это не счастье. Это анестезия.

— Читай дальше, — сказал Александр, кладя холодную ладонь на её плечо.

«Но я не держу на тебя зла. Злость — это эмоция для слабых. Я предлагаю тебе сделку. Ты и твой спутник — потому что я знаю, что ты не одна, я чувствую его холод даже на расстоянии — вы покинете остров в течение трех дней. Вы забудете о том, что видели в Кандидасе. А я забуду, что вы уничтожили мою Розу. Это щедрое предложение, учитывая, что заказчик уже требует компенсации.

Если же вы решите остаться и продолжить свою маленькую войну, я буду вынуждена ответить. И поверь мне, моя дорогая сестра, мой ответ тебе не понравится. Я не просто выращиваю розы. Я умею заставлять их увядать. И я умею находить тех, кого любят мои враги. А ты, судя по тому, как ты защищала девушку, умеешь любить.

Думай быстро. Времени мало. С искренним уважением к твоему мастерству. Та, Кого Ты Назовешь Флористкой».

Изабелла закончила читать и аккуратно положила письмо на каменный парапет. Бумага, словно только и ждала этого, вдруг вспыхнула сама собой — без дыма, без тепла, — и за секунду превратилась в горстку серого пепла, который тут же развеял утренний бриз. Магия Флористки позаботилась о том, чтобы не оставлять улики.

— Письмо расставания, — произнесла Изабелла задумчиво. — Она предлагает нам разойтись миром. Вернее, разбежаться. Она думает, что мы испугаемся.

— А ты? — спросил Александр. Это был не праздный вопрос. Он знал, что Флористка нащупала уязвимое место. Угроза была адресной. «Я умею находить тех, кого любят мои враги». Изабелла действительно умела любить. И Александр знал, что в мире есть несколько человек — живых, смертных, — к которым ведьма была привязана. Она никогда не говорила о них, но он чувствовал их присутствие где-то на периферии её ауры, словно далекие звезды, которые не видны невооруженным глазом, но все равно оказывают гравитационное воздействие.

— А я думаю, — медленно произнесла она, глядя на то место, где только что лежал пепел, — что она совершила ошибку. Она думает, что угроза заставит нас уйти. Но она лишь подтвердила то, что я подозревала.

— Что именно?

— Артини была не единственной. Это конвейер. Заказы, клиенты, компенсации... — Изабелла начала рассказывать по террасе, и её босые ступни оставляли на прохладном камне

едва заметные отпечатки. — Она не просто сумасшедшая садовница. У неё бизнес. Она превращает женщин в живые подарки. В идеальных рабынь. И продает их тем, кто готов платить. Влиятельным людям, Саша. Тем, кто может позволить себе купить человеческую душу.

Александр слушал, и его лицо становилось все более мрачным. За свою долгую жизнь он видел много зла. Он сам был злом в глазах многих. Но он никогда не торговал людьми, не ломал их волю ради наживы. В его кодексе это было низко. Грязно. Недостойно даже вампира.

— Сколько их может быть? — спросил он.

— Я не знаю. Но я знаю, что она использовала слово «заказчик» в единственном числе для Артини. И она упомянула, что он требует компенсации. Значит, это была конкретная сделка. Конкретная женщина для конкретного мужчины. Возможно, она готовит их поштучно. Эксклюзивный товар.

— И Артини должна была стать чьей-то идеальной женой, любовницей, рабыней... — Александр сжал кулаки. Камень парапета рядом с ним пошел трещиной. — Мы не можем уйти.

— Мы и не уйдем, — сказала Изабелла, и в её голосе прозвенела сталь. — Но мы должны действовать иначе. Она ждет, что мы будем защищаться или нападём в лоб. А мы сделаем то, чего она не ожидает. Мы найдем заказчика.

Она подошла к Александру вплотную и взяла его руки в свои.

— Ты — лучший охотник, которого я знаю, — сказала она, глядя ему в глаза. — Ты можешь заставить людей говорить то, что они никогда бы не сказали. Ты можешь проникать в сознание одним взглядом. Найди мне того, кто заказал Артини. Я хочу знать, кто стоит за всем этим. Кому нужны живые куклы.

Александр выдержал её взгляд и медленно кивнул.

— Для этого мне нужно побывать в местах, где вращаются богатые и влиятельные мужчины этого острова, — сказал он. — В частных клубах, на закрытых виллах, может быть, в посольствах. Мне потребуется день-два.

— У нас есть три дня до истечения её ультиматума, — напомнила Изабелла. — Я буду работать параллельно. Артини сейчас потеряна, её душа в руинах. Я должна помочь ей собраться. И ещё я должна найти способ защитить тех, кого я люблю. Флористка не бросается пустыми угрозами. Если она доберется до моих близких...

Она не закончила фразу. Но Александр услышал в её молчании больше, чем в любых словах.

Они стояли на террасе, двое бессмертных существ, которым угрожала смертная колдунья с садистскими наклонностями и коммерческой жилкой. Солнце поднялось выше, заливая джунгли светом, прогоняя утренний туман. Внизу, в долине, крестьяне уже начинали свой день на рисовых террасах, не подозревая о том, что в получасе езды от них разворачивается война, в которой на кону стоят человеческие души.

Изабелла ушла в дом, чтобы подготовиться к сеансу связи с Артини. Она знала, что девушка в Кандидасе сейчас переживает самую темную ночь своей души. Роза увяла, но оставила после себя пустоту, которая могла затянуть в депрессию, безумие или самоубийство. Нужно было заполнить эту пустоту чем-то настоящим. Дать девушке понимание, что свобода — даже болезненная, горькая свобода — лучше самого сладкого рабства.

Александр тем временем переоделся. Из расслабленного туриста он превратился в того, кем был на самом деле — хищника в человеческом обличье. Темные брюки, безупречно сидящая рубашка, легкий пиджак. Ни одной лишней детали, ни одного кричащего аксессуара. Его оружием были не часы за миллион долларов и не золотые запонки. Его оружием была аура, которую он сейчас сознательно настраивал на нужную частоту. Он собирался туда, где собираются сильные мира сего. И он собирался задать им несколько вопросов.

Перед уходом он остановился у дверей павильона и обернулся.

— Белла, — позвал он.

Она выглянула из-за резной деревянной ширмы, отделявшей её рабочее пространство.

— Будь осторожна с Артини. Она сломлена сейчас. Сломленные люди опасны. Они непредсказуемы.

— Я знаю, — ответила она. — Но я должна попытаться.

Он кивнул и исчез. Не вышел в дверь — просто перестал быть видимым, слившись с тенями так, как умели только очень древние вампиры. Изабелла осталась одна в огромном павильоне, где эхо все еще хранило отзвуки её вчерашнего крика и шелест сгоревшего письма. Она села на подушку, зажгла новую свечу и поставила перед собой чашу с чистой водой. Её работа продолжалась. Война только начиналась.

Глава 5

Александр не пошел сразу в город. Он сделал то, что делал всегда, когда мир вокруг начинал вращаться слишком быстро, — он направился к океану. Не на многолюдный пляж Семињьяка с его пляжными клубами и туристами, делающими селфи на закате, а в уединенную бухту, которую знали только местные рыбаки и те немногие, кто, как и он, умел слушать тишину. Бухта пряталась за скалистым мысом, поросшим диким кустарником и храмовыми баньянами, с чьих ветвей свисали серебристые пряди воздушных корней. Дорога к ней была неудобной, каменистой, и именно это делало её идеальным местом для размышлений.

Он сел на большой валун, отполированный тысячами приливов и отливов, и устремил взгляд на горизонт. Океан сегодня был беспокойным. Тяжелые, свинцовые волны накатывали на берег с ритмичностью дыхания спящего великана. В воздухе пахло солью и приближающимся дождем. Александр закрыл глаза и позволил себе то, что позволял крайне редко, — он начал думать не о тактике, не о стратегии, не о следующем шаге в их войне с Флористкой, а о природе самой силы, которой он обладал. О природе подчинения. О природе любви. И о том, насколько хрупка грань между этими понятиями.

Странное дело, размышлял он. Я существую уже несколько веков. Я видел, как империи рассыпаются в пыль, как религии рождаются и умирают, как меняются языки и границы.

Но одно остается неизменным. Человеческое сердце. Его жажда любви. Его готовность подчиняться. И его поразительная, почти патологическая способность путать одно с другим.

Он вспомнил лица тысяч женщин, которые прошли через его жизнь. Или, вернее, через чью жизнь прошел он. Умные и глупые, юные и зрелые, прекрасные и обычные — все они реагировали на его ауру одинаково. Сначала интерес, граничащий с электрическим покалыванием на коже. Потом влечение, иррациональное, сметающее все доводы рассудка. Потом обожание. Преклонение. Готовность отдать все, что у них есть, в обмен на один его взгляд. И наконец, если он вовремя не уходил, — полное растворение собственной личности в его тени.

Он называл это «гравитацией». Он говорил Изабелле, что питается восхищением и что это добровольный обмен. Но был ли он честен с самим собой? Разве можно назвать добровольным то, что происходит под воздействием силы, которую человек не осознает и которой не может сопротивляться? Не был ли он сам, Александр, просто более элегантно, более утонченной версией Флористки? Она сажает розы в души своих жертв. А он сажает в них свой образ. И то и другое — паразитизм. И то и другое — порабощение. Разница лишь в эстетике.

Эта мысль, острая и неприятная, словно рыбья кость, застрявшая в горле, заставила его открыть глаза. Он посмотрел на свои руки. Длинные пальцы, аристократические костяшки, ни единого шрама, ни единой морщины. Руки, которые никогда не старели. Руки, которые он использовал, чтобы манипулировать, чтобы привлекать, чтобы очаровывать. Был ли он когда-нибудь по-настоящему любим за то, кто он есть, а не за то, что излучает его аура? Знала ли хоть одна женщина его настоящего — того, кто боится одиночества больше, чем солнечного света, кто коллекционирует редкие книги, потому что они пахнут временем, кто иногда, в глухие предраассветные часы, чувствует такую вселенскую тоску, что готов завыть на луну, словно волк?

Только одна. Изабелла.

Их связь была единственным, что не поддавалось объяснению. Он не мог подчинить её своей аурой. Она была невосприимчива к его гравитации. И в этом была колоссальная ирония: только та, на кого его сила не действовала, могла полюбить его по-настоящему. И она полюбила. Не его силу. Не его оболочку. Его самого.

Он вспомнил, как они встретились впервые. Это было не на Бали и не в каком-нибудь романтическом европейском городе, достойном открытки. Это было в грязном портовом кабаке в Марселе, в год, когда холера косила матросов, а политики кромсали карту Европы. Он сидел в углу, пряча свою ауру под слоем усталости и алкоголя, и наблюдал за людьми. Она вошла — молодая, дерзкая, с огнем в глазах, который не могли погасить ни дождь за окном, ни вонь дешевого табака. Она подошла прямо к его столу, села напротив и сказала фразу, которую он запомнил навсегда: «Ты думаешь, что ты хищник. Но ты всего лишь голодный».

Он мог бы убить её за дерзость. Вместо этого он рассмеялся — впервые за несколько десятилетий. И это стало началом.

Теперь, спустя почти полтора века, она была здесь, с ним, на этом острове. И она ввязалась в войну, которая, возможно, перевернет их спокойное существование. Из-за кого? Из-за балийской девушки по имени Ни Лух Артини. Из-за незнакомки, которую Изабелла видела лишь в трансе. Почему? Потому что так правильно? Потому что так велит совесть?

Александр горько усмехнулся собственным мыслям. Совесть. У вампира. Звучит как начало плохого анекдота. И все же за века он выработал в себе нечто подобное. Не из благородства — из практичности. Он давно понял, что у зла, каким бы могущественным оно ни было, есть одно слабое место: оно глупо. Оно близоруко. Оно пожирает ресурсы и разрушает экосистему, в которой существует, не думая о завтрашнем дне. Флористка, с её розами и заказчиками, была классическим примером. Она превращала людей в товар, не понимая, что товар имеет свойство заканчиваться. Что сломленная душа не восстанавливается. Что рынок рабов конечен.

Он встал с валуна и подошел ближе к воде. Волна лизнула носки его туфель, оставив на коже соленую пену. Океан напомнил ему о времени — о той единственной силе, перед которой даже он был бессилён. Время не подчинялось ни его ауре, ни магии Изабеллы. Оно текло сквозь них, как вода сквозь пальцы, оставляя лишь воспоминания и шрамы на душе, невидимые глазу.

Он подумал об Артини. О девушке, которая сейчас, возможно, лежит на своей циновке и смотрит в потолок, не понимая, кто она и чего хочет. Её роза умерла, и вместе с ней умерла иллюзия любви. Что она чувствует сейчас? Облегчение? Пустоту? Или ту самую праведную ярость, на которую рассчитывала Изабелла? Александр знал ответ. Она чувствует всё одновременно. И это, пожалуй, самое страшное. Потому что свобода — это не радость. Свобода — это растерянность. Это стоять посреди чистого поля без карты и компаса и не знать, в какую сторону идти. Рабство хотя бы дает иллюзию направления.

Но иллюзия — это не жизнь. Это он знал лучше других. Он сам жил в иллюзии столетиями. Иллюзии, что он выше людей, что он — эволюционная ступень, суперхищник. И только рядом с Изабеллой он начал догадываться, что истинная эволюция — это не способность подчинять, а способность выбирать не подчинять. Иметь силу и не использовать её. Вот что отличало его от Флористки. Вот что отличало Изабеллу от Флористки. Они оба могли сломать человека. Но они этого не делали. По крайней мере, старались не делать.

Дождь начался внезапно, как это часто бывает в тропиках. Крупные, теплые капли забарабанили по листьям баньянов, по поверхности океана, по плечам Александра. Он не двинулся с места. Вода стекала по его лицу, и ему казалось, что она смывает не только соль, но и что-то более тяжелое, более липкое — тот моральный груз, который он таскал за собой последние дни.

Он вспомнил фразу из письма Флористки: «Ты даже не спросила эту женщину, хочет ли она быть спасенной». Это была манипуляция, конечно. Но в каждой манипуляции есть зерно истины. Имели ли они право вторгаться в судьбу Артини? Кто дал им это право? Они просто увидели несправедливость и вмешались. Но разве не так же думает и Флористка? Она ведь тоже, вероятно, считает, что дает женщинам то, чего они хотят. Любовь. Защиту. Определенность. Она просто дает это в извращенной форме, которая выгодна ей и её клиентам.

Где проходит граница между помощью и вмешательством? Между спасением и насилием? Это были философские вопросы, на которые не существовало простых ответов. И Александр, проживший на свете больше двухсот лет, все еще искал эти ответы. Возможно, в этом и заключался секрет долгой жизни — никогда не переставать задавать вопросы.

Он повернулся и пошел обратно по тропе, ведущей от бухты к дороге. Дождь усилился, превратившись в сплошную стену воды, но Александр не обращал на него внимания. Его разум был занят другим. Он думал о том, что сила подчинения, которой он обладал, могла бы стать инструментом для гораздо более важных вещей, чем охота на Флористку или соблазнение случайных женщин. Он мог бы изменить ход истории. Он мог бы подчинить себе президентов, генералов, финансовых воротил. Он мог бы остановить войны, предотвратить катастрофы, перенаправить человечество на другой путь. Но он не делал этого. Почему?

Потому что это скучно, услышал он в голове свой собственный ответ, данный когда-то Изабелле. Но это была лишь половина правды. Полная правда была сложнее. Он боялся. Боялся, что, начав перекраивать мир по своему усмотрению, он не сможет остановиться. Что благие намерения приведут к тирании. Что он станет тем, с кем борется. Вечная дилемма власти: можно ли прикоснуться к грязи и не испачкаться?

Когда он добрался до виллы, дождь уже кончился. Небо прояснилось, и над джунглями встала радуга — яркая, двойная, перекинувшаяся аркой от храма на холме до океана. Стикс встретил его у ворот, виляя хвостом и обнюхивая мокрые брюки. Изабелла сидела в том же павильоне, где он оставил её утром. Перед ней стояла чаша с водой, но теперь в ней плавали лепестки франжипани, а сама вода светилась мягким, перламутровым светом.

— Ты промок, — заметила она, не открывая глаз.

— Я думал, — ответил он просто.

— О чем?

— О том, что мы с Флористкой похожи больше, чем мне хотелось бы признавать.

Изабелла открыла глаза и посмотрела на него долгим, изучающим взглядом.

— Это хорошо, — сказала она наконец.

— Хорошо? — он удивленно поднял бровь.

— Да. Осознание того, что ты можешь стать монстром, — это единственное, что удерживает тебя от превращения в него. Флористка не сомневается в своей правоте. Она убеждена, что дарит женщинам счастье. Её зло коренится в отсутствии рефлексии. А ты сомневаешься. Сомнение — это начало мудрости.

Александр подошел к ней и сел рядом, прямо на пол, не заботясь о том, что его мокрая одежда пачкает дорогой шелк подушек.

— Ты так и не ответила на её обвинение, — сказал он. — В письме. Она спросила, имеем ли мы право решать за других. Ты сказала ей что-то?

— Нет, — ответила Изабелла, и её губы тронула легкая улыбка. — Я не обязана отвечать на вопросы врага. Но тебе я отвечу.

Она сделала паузу, подбирая слова.

— Представь, что ты видишь человека, который тонет. Он не кричит, не зовет на помощь. Возможно, он даже не осознает, что тонет. Возможно, вода кажется ему теплой и ласковой, а круги перед глазами — красивым калейдоскопом. Ты пройдешь мимо? Потому что он не просил о спасении? Потому что он, возможно, счастлив в своей гибели?

Александр молчал. Она продолжила.

— Артини не просила нас о помощи. Но она и не могла попросить. У неё не было для этого ни свободы воли, ни голоса. Роза думала за неё. Роза говорила за неё. Спрашивать разрешения у порабощенного — это лицемерие. Ты же не спрашиваешь у заложника, хочет ли он, чтобы его освободили, пока к его виску приставлен пистолет.

— Но что, если заложник полюбил своего похитителя? — возразил Александр, вспоминая классический стокгольмский синдром. — Что, если он действительно счастлив в плену?

— Счастье в плену — это не счастье, — твердо сказала Изабелла. — Это адаптация. Это механизм выживания. Мозг учится находить удовольствие в несвободе, потому что свобода для него недоступна и, следовательно, мучительна. Но если ты откроешь клетку и покажешь, что за её пределами есть мир, — да, первым чувством будет ужас. Агорафобия. Желание вернуться в привычную тесноту. Но за ужасом последует нечто иное. Любопытство. А за любопытством — радость.

Она протянула руку и коснулась мокрой щеки Александра.

— Флористка называет свою работу «даром». Она говорит, что дает женщинам то, чего они хотят. Но она дает им суррогат. Вместо любви — одержимость. Вместо партнера — хозяина. Вместо развития — застывание в вечной роли жертвы. А мы даем шанс на настоящее. Да, трудное. Да, болезненное. Но настоящее. В этом разница между нами и ею.

Александр взял её руку и поцеловал ладонь.

— Ты стала бы спасать меня? — спросил он тихо. — Если бы я был на месте Артини? Если бы какая-то колдунья посадила розу в мой разум и я бы думал, что счастлив?

— Я бы не стала тебя спасать, — ответила Изабелла, и в её глазах заплескались те самые янтарные искры, которые он так любил. — Я бы просто сожгла весь сад дотла. И колдунью вместе с ним.

Он рассмеялся. Смех получился искренним, глубоким, идущим откуда-то изнутри. И на мгновение тяжесть, давившая на его плечи последние дни, стала легче.

— Ладно, — сказал он, поднимаясь. — У нас есть три дня, а я еще не начинал охоту на заказчика. Хватит философствовать. Пора действовать.

— Иди, — кивнула она. — А я продолжу работу с Артини. Она сейчас в самой темной точке. Ей нужно увидеть свет в конце туннеля. Хотя бы маленький огонек.

Александр ушел переодеваться. Через час он будет в Джакарте, в частном клубе, куда допускают только тех, чье состояние измеряется минимум девятью нулями. Он будет играть роль эксцентричного европейского аристократа, ищущего эксклюзивных удовольствий. Он будет слушать, наблюдать и задавать вопросы. А его аура, тонко настроенная на частоту доверия и расположения, будет делать всю грязную работу за него.

Изабелла осталась в павильоне. Она опустила пальцы в светящуюся воду и начала тихо напевать колыбельную на языке, которого не существовало ни в одной лингвистической классификации. Её голос скользил сквозь пространство, проникал в сны Артини и начинал плести там новый узор — узор исцеления. Это была долгая, кропотливая работа, похожая на реставрацию древней фрески. Нельзя было просто замазать пустоту. Нужно было по крупичкам восстановить утраченные фрагменты личности девушки. Её детские воспоминания, её мечты до встречи с Розой, её связи с семьей и предками, её исконную, не искаженную магией суть.

Это была работа, которую никто не увидит и за которую никто не скажет спасибо. Но именно в такие моменты Изабелла чувствовала себя наиболее живой. Не тогда, когда она наказывала врагов или ткала сложные интриги. А тогда, когда она тихо, незаметно, как садовник, поливающий увядший цветок, помогала человеческой душе расправить лепестки и повернуться к свету.

Глава 6

Ни Лух Артини не спала уже вторые сутки. Она лежала на своей циновке, смотрела в потолок, по которому от протечек в крыше расплзлись причудливые желтые разводы, и пыталась понять, кто она теперь. Роза умерла. Это она знала точно — так же точно, как знала, что у неё есть две руки и два глаза. Она чувствовала пустоту в груди, там, где раньше пульсировал алый цветок. Пустота эта была странной: она болела, как болит вырванный зуб, но вместе с болью пришло и нечто новое, забытое. Тишина. В её голове больше не звучал непрекращающийся шепот. Никто не говорил ей, чего она хочет. Никто не диктовал ей мечты. И от этой тишины было страшно, как бывает страшно человеку, который всю жизнь прожил у водопада и вдруг оказался в пустыне.

Она села, подтянула колени к груди и обхватила их руками. В углу комнаты мерцал масляный светильник, отбрасывая на стены пляшущие тени. Алтарь с подношениями — рисом, цветами, благовониями — стоял нетронутым уже два дня. Артини не могла заставить себя молиться. Боги казались ей далекими и равнодушными, а духи предков, которым она привыкла делать подношения каждое утро, молчали. Или, может быть, это она оглохла? Может быть, Роза, умирая, повредила что-то в её душе, и теперь она навсегда останется пустой, как выпотрошенная рыба?

Она не заметила, как начала плакать. Слезы текли беззвучно, без рыданий, просто две дорожки на смуглых щеках. Она оплакивала не мужчину без лица — сейчас, в трезвом уме, она даже не могла вспомнить его черты. Она оплакивала себя. Ту глупую, наивную Артини, которая поверила, что счастье придет к ней в виде красивого господина, который заберет её из этой бедной комнатухи, из этой деревни, из этой жизни, где каждый день похож на предыдущий, как зерна риса в колосе.

На рассвете она наконец поднялась. Ноги держали нетвердо, голова кружилась от голода — она почти не ела все это время. Артини подошла к маленькому осколку зеркала, приклеенному к стене у двери, и посмотрела на себя. Из зеркала на неё глянула незнакомка. Красивая,

да, но какая-то блеклая, словно выцветшая фотография. Глаза, в которых раньше горел лихорадочный огонь одержимости, теперь были тусклыми, как пепел. Волосы, черные и густые, сбились в колтуны. Она попыталась пригладить их рукой, но пальцы запутались в прядях. Тогда она просто собрала их в небрежный пучок и заколола деревянной шпилькой, которую когда-то подарила мать.

Мать. При мысли о матери в груди что-то кольнуло. Артини не была в родительском доме уже несколько месяцев — с тех пор, как Роза начала нашёптывать ей, что родные «не понимают её», «завидуют её счастью», «тянут назад». Она оборвала связи почти со всеми, кто любил её до того, как в её жизнь вошла иллюзия. Теперь, когда иллюзия рассеялась, она осталась одна. Совершенно одна.

Нужно было идти на рынок. В доме не осталось ни риса, ни овощей, ни кокосового масла для светильника. Артини надела чистый саронг, старую, но опрятную блузку, взяла плетеную корзину и вышла на улицу. Солнце ударило в глаза, и она зажмурилась, пошатнувшись. Мир вокруг казался ей слишком ярким, слишком громким, слишком живым для неё, мертвой изнутри. Но ноги сами понесли её по знакомой дороге — мимо храма с потрескавшимися каменными демонами, мимо рисовых полей, где уже работали крестьяне, мимо священного баньяна, на ветвях которого развевались черно-белые ткани.

Рынок в Кандидасе был невелик: несколько деревянных прилавков, крытых пальмовыми листьями, где продавали фрукты, овощи, специи и свежую рыбу, пойманную на рассвете. Воздух здесь был густым от запахов — сладкий аромат манго смешивался с резким духом сушеной рыбы, дым благовоний из соседнего храма переплетался с запахом пота и земли. Курицы кудахтали в плетеных клетках, торговки громко перекрикивались, обсуждая последние новости и цены.

Артини двигалась сквозь эту суету, словно призрак. Она выбрала немного риса, пару бататов, кокос и пучок зелени. Она уже протягивала деньги старой Ньюман, торговке, которую знала с детства, когда услышала за спиной звук, резанувший ухо, как нож по стеклу. Это был смех. Громкий, переливчатый, неестественно жизнерадостный смех человека, который никогда не знал ни нужды, ни боли.

— О, смотри, это же та самая деревенская сумасшедшая! — произнес голос, молодой и звонкий, на индонезийском с легким акцентом жительницы Джакарты. — Которая разговаривала сама с собой и говорила, что выйдет замуж за принца!

Артини обернулась. У соседнего прилавка, где продавали импортные духи и шелковые шарфы, стояли две девушки. Одна была высокой, с кожей цвета кофе с молоком, одетой в безупречно сидящее белое платье из тонкого хлопка, явно купленное не на местном рынке, а в каком-нибудь бутике в Семиньяке. Её волосы, гладкие и блестящие, были распущены по плечам, а на запястье красовался браслет из белого золота. Рядом с ней стояла вторая, чуть ниже ростом, в таком же дорогом наряде, но державшаяся более скованно — явно не подруга, а скорее компаньонка или бедная родственница, допущенная в свиту из милости.

Ту, что смеялась, звали Анак Агунг Аю Сари Деви, но все называли её просто Аю, и это имя знал весь остров. Она была младшей дочерью одного из богатейших людей Бали — владельца сети отелей, ресторанов и ночных клубов, человека, который, по слухам, имел связи в правительстве и мог решить любой вопрос одним телефонным звонком. Семья Аю принад-

лежала к древней касте брахманов, но давно уже променяла духовный авторитет на финансовый. У них был особняк в престижном районе Нуса Дуа, вилла на скалах Улувату, квартира в Джакарте и собственный самолет. Аю никогда не работала. Она путешествовала, посещала вечеринки, позировала для глянцевого журналов и вела инстаграм с миллионом подписчиков, где её жизнь выглядела как бесконечный праздник. Ей было двадцать три года, и она свято верила, что мир вращается вокруг неё.

Она приехала в Кандидасу не из любви к аутентичности. Просто в её окружении стало модным устраивать «деревенские туры» — ездить по бедным районам, делать селфи на фоне рисовых полей и кормить обезьян в храмах, чувствуя себя при этом просветленными и близкими к народу. Аю искала идеальное место для новой фотосессии и заодно развлекалась, разглядывая местных, как зверей в зоопарке.

Артини смотрела на неё и чувствовала, как внутри закипает странное, забытое чувство. Это была не ярость. Пока не ярость. Это было унижение. Жгучее, едкое, как сок незрелого манго. Она вспомнила — смутно, обрывками, словно сквозь густой туман, — как несколько недель назад Аю уже приезжала в деревню. Тогда Артини была еще под властью Розы. Она действительно разговаривала сама с собой, вернее, с образом мужчины в своей голове. Она улыбалась пустоте, шептала что-то, смеялась. И Аю, проезжая мимо на своем белом джипе, заметила её, сняла на телефон и выложила в сторис с подписью «Crazy village girl thinks she's a princess».

То видео посмотрели сотни тысяч человек. Артини об этом не знала — у неё не было смартфона. Но жители деревни знали. Соседи шептались за её спиной. Дети иногда кричали ей вслед обидные слова, услышанные от старших.

— Она, кажется, смотрит на тебя, — заметила компаньонка Аю, невысокая девушка по имени Мира. — Может, не надо было...

— А что она мне сделает? — Аю небрежно пожала плечами и, покачивая бедрами, направилась прямо к Артини. Её белые босоножки на тонкой золотой шпильке были совершенно не приспособлены для деревенской пыли, но Аю это не волновало. Она подошла вплотную, так, что Артини почувствовала запах её духов — что-то цветочное, сладкое, невыносимо дорогое. Этот запах ударил в нос, и на мгновение Артини показалось, что она снова чувствует аромат Розы.

— Слышала, ты перестала ждать своего принца? — спросила Аю с усмешкой, разглядывая Артини сверху вниз, словно экспонат. — Что, очнулась наконец? Поняла, что такие, как мы, не для таких, как ты?

Слово «мы» резануло слух. Аю говорила о себе и о своем круге — о богатых, красивых, успешных. Она даже не сомневалась, что Артини, бедная крестьянка из забытой богами деревни, должна естественным образом завидовать и преклоняться. Это не было злобой в чистом виде. Это было что-то худшее — абсолютная, монолитная убежденность в собственном превосходстве, настолько глубокая, что она даже не осознавалась как высокомерие. Для Аю мир был устроен просто: есть люди первого сорта — она и ей подобные, — и есть все остальные, чья функция — обслуживать, развлекать и создавать фон.

Артини молчала. Слова застряли в горле комком. Она смотрела на это безупречное лицо, на эту снисходительную улыбку, на этот браслет, который стоил больше, чем вся её деревня зарабатывала за год, и чувствовала себя не просто униженной. Она чувствовала себя невидимой. Словно она не человек, а тень, случайно попавшая в кадр чужой гламурной жизни.

— Она немая, что ли? — Аю повернулась к Мире. — Или просто глупая? В прошлый раз она хотя бы улыбалась.

Мира нервно переступила с ноги на ногу. Ей явно было неловко, но возражать Аю она не смела.

— Может, пойдём? — тихо предложила она. — Тут воняет рыбой. У тебя же аллергия.

— Да, точно. Аллергия на нищету, — усмехнулась Аю собственной шутке. Она бросила последний взгляд на Артини, уже разворачиваясь, чтобы уйти, и вдруг заметила у неё на шее крошечный кулон — простой серебряный кружок на потертом шнурке. Кулон был старым, потемневшим от времени, явно не представлявшим никакой материальной ценности. Но что-то в нём привлекло внимание Аю.

— Что это? — спросила она, протягивая руку.

Артини инстинктивно отшатнулась и прикрыла кулон ладонью. Эту вещь подарила ей бабушка, когда Артини была ещё ребенком. Внутри кулона, под слоем серебра, был закатан крошечный фрагмент праха прабабушки, которая, по семейным легендам, была целительницей и немного ведьмой. Это был амулет, защитный талисман, единственное, что связывало Артини с родом, который она почти забыла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.